

В. Шарлот

На вахте огневой

Страницы истории Безьянской ТЭЦ

Самара, «Парус»

2001

Шарлот Владимир Михайлович

На вахте огневой. Страницы истории Безымянской ТЭЦ

Парус, 2001

18 октября 2001 года исполнилось 60 лет Безымянской теплоэлектростанции. О нелёгком пути её становления, о героическом подвиге энергетиков в годы Великой Отечественной войны и в период восстановления разрушенного народного хозяйства страны – эта книга. И о скромных рядовых энергетиках и руководителях производства, что явили собой пример мужества и стойкости в тех невероятно трудных условиях, когда спешно создавалась крупнейшая промышленная база оборонного назначения на Безымянке, внесшая немалый вклад в дело разгрома врага и укрепления экономики страны в послевоенное время.

© В.М. Шарлот

Страницы истории

Тридцатые годы

Решение о строительстве Безымянской ТЭЦ было принято Совнаркомом СССР 14 мая 1938 года. Предполагалось, что она обеспечит электроэнергией сооружение Куйбышевского гидроузла в районе Красной Глинки. Пуск первого агрегата намечался в конце 1939 года, а к началу 1941-го станция должна была выйти на полную мощность.

Площадку для строительства выбрали неподалёку от железнодорожной станции Безымянка и реки Самары. Проект выполнило Московское отделение института «Теплоэлектропроект».

Возведение новой теплоэлектростанции поручили крупнейшей строительной организации страны – управлению особого строительства НКВД, или, как её называли, «Особстрой», созданному в августе 1940 года. Начальником управления строительства был генерал-майор инженерных войск Александр Павлович Лепилов.

В распоряжении «Особстроя» был крупный парк механизмов, хорошо отлаженная система взаимодействия всех частей этого мощного строительного организма, десятки тысяч специалистов. Впоследствии «Особстрой» был преобразован в Куйбышевское территориальное строительное управление и далее – в широко известный в стране строительно-монтажный трест № 25.

Непосредственно строительство ТЭЦ вёл 5-й район «Особстроя», где начальником был Ф.Г. Долгов, а главным инженером – А.П. Зилберберг. Работы велись высокими темпами, но в основном вручную. На всю стройку имелся один экскаватор с ёмкостью ковша 0,5 м³. Правда, была конюшня на 100 лошадей и около тысячи заключённых с лопатами и тачками.

Земляные работы, строительство фундаментов зданий велись параллельно с разработкой проекта, который окончательно был готов в августе 1939 года.

И на этой стройке имелись свои передовики, свои герои. Жаль, что история почти не сохранила для нас их имена. Но на архивных фотографиях тех лет видны здания станции в лесах, облепленных людьми. Фотографии запечатлели высокий трудовой настрой тех лет, энтузиазм, с которым работали тогда строители социализма.

Однако жизнь внесла свои коррективы. В связи с угрозой надвигающейся войны строительство электростанции ещё в 1939 году прекратили и главные усилия были переключены на сооружение промышленных объектов Безымянки.

В соответствии с «совершенно секретным» постановлением ГКО при Совете народных комиссаров СССР в августе 1940 года было решено одновременно, в сжатые сроки, построить три крупнейших авиационных завода вместе с ТЭЦ и жилыми посёлками. Особое строительство стало крупнейшей стройкой СССР, хотя об этом мало кто знал не только в стране, но и в самом Куйбышеве. Кроме вольнонаёмных, на объектах трудились десятки тысяч заключённых, размещённых в зоне.

К началу войны корпуса главных цехов ТЭЦ – котельного, турбинного, электрического – были в основном готовы. Сооружались системы топливоподачи, химводоочистки и береговая насосная.

И вот грянула война, о которой давно говорили, но известие о начале которой, тем не менее, произвело эффект разорвавшейся бомбы.

*«Родина в опасности!»**Год 1941-й*

Известно, что в первые же месяцы войны в Куйбышев были эвакуированы 30 промышленных предприятий, в том числе и те, которые выпускали авиационную технику. Их-то и разместили в ещё не достроенных промышленных корпусах Безымянки. Оборудование монтировали сразу с железнодорожных платформ и сразу же налаживали выпуск военной продукции.

Для работы новых предприятий требовалась электроэнергия, которой остро не хватало. Для обеспечения ею надо было форсировать строительство Безымянской ТЭЦ. Но для этого тоже требовалась электроэнергия. На развернувшуюся крупную стройку её можно было взять лишь с Куйбышевской ГРЭС, где ещё до начала войны был создан резерв электрической мощности за счёт пуска нового турбоагрегата мощностью 12 тыс.кВт.

Однако уже в конце августа этот резерв был исчерпан. И тогда пришлось вводить режим жёсткой экономии военного времени – отключать подачу электроэнергии в квартиры горожан. Бытового газа в домах тогда ещё не было. Пищу стали готовить на примусах и керосинках.

Но это была лишь одна сторона проблемы. Немедленно встал вопрос: где взять рабочие кадры для будущей ТЭЦ, темпы строительства которой, несмотря на все трудности военного времени, всё нарастали? Единственная электростанция областного центра, Куйбышевская ГРЭС, в связи с уходом на фронт большей части персонала, сама стала испытывать кадровый дефицит. Правда, на Безымянку стали прибывать энергетики, эвакуированные с оккупированных врагом территорий, но это не исчерпывало проблем.

Кардинальным решением стало создание ремесленного училища энергетиков № 14, куда направили лучших учеников из других училищ города. Оно-то, наряду с ремесленными училищами города и области, и стало поставщиком рабочих кадров на Безымянскую ТЭЦ.

В августе 1941 года сюда прибыло около 30 опытных энергетиков из Белоруссии. Затем в рождающийся коллектив влились энергетики с Украины, специалисты из Одессы, вынужденные взорвать свою электростанцию, а в конце года - большая группа московских специалистов.

И всё равно людей не хватало. Как вспоминал впоследствии бывший председатель совета ветеранов войны и труда Безымянской ТЭЦ Г.Т. Кочетов, в энергетику пришло много людей, имеющих о ней весьма смутное представление. Преподаватель музыки из Одессы дежурил по дымососам, артистка Гомельского театра работала помощником машиниста турбины, бывший бухгалтер - водосмотром, преподаватель иностранных языков обслуживала пылесистемы котла, а студент театрального училища им.Щукина стал мастером электролаборатории. Кстати, именно эти люди помогли создать в клубе энергетиков прекрасную художественную самодеятельность, о которой мы ещё расскажем. На рабочие места пришли также бывшие домохозяйки, учащиеся старших классов.

Словом, коллектив собирался из многих городов. Обычно при знакомстве людей на ТЭЦ первым вопросом было: «Ты из какого города?». Одного машиниста экскаватора никто не звал по фамилии, говорили: «Это Брянский». Да он и сам себя так называл.

Пришло много молодёжи. Юноши и девушки помогали строителям, а главное – в упорном труде осваивали профессии котельщиков, турбинистов, электриков, химиков, слесарей и другие.

Почти все жили в посёлке БТЭЦ в нескольких капитальных домах и четырнадцати бараках. Зачастую в одной комнате ютились по две - три семьи. Это, конечно, причиняло массу неудобств, но зато помогало хорошо узнать друг друга и способствовало созданию дружного коллектива.

Здесь же, на стройке, начали работать магазин, столовая, школа, детский сад – ясли. Вскоре открылась и вечерняя школа, где преподавали в основном специалисты, работавшие на теплоэлектроцентрали.

Многие семьи занимались огородами, которые разместились на обширной площадке ТЭЦ и вокруг неё, вплоть до заливных лугов около Самары. Выезжали на уборку урожая в совхоз «Комсомолец» у железнодорожной станции Тургеневка. Но это уже было потом, после пуска первого агрегата.

В жаркие летние дни 1941 года уже действовал мозговой штаб Безымянской ТЭЦ – дирекция, созданная в первых числах июля. И строящаяся тыловая станция стала фронтом напряжённой борьбы за скорейший пуск.

Первым директором ТЭЦ стал Владимир Иванович Смирнов, первым главным инженером – Ф.С. Шалаев, вскоре заменённый А.П. Немовым из Мосэнерго. После отзыва последнего в Москву его заменил в конце 1942 года К.В. Бондаренко, бывший до этого главным инженером Уральского отделения Всесоюзного теплотехнического института. Начальником котельного цеха стал бывший главный инженер одной из Харьковских ТЭЦ Л.В. Лещинский, его заместителем – одессит Г.И. Шарф. Электроцех возглавил Г.Е. Морозов с Днепропетровской ТЭЦ, его заместителем назначили И.С. Петрова с Московской ТЭЦ № 11.

К октябрю 1941 года, когда ещё не было полностью всего оборудования, при большой нехватке кадров, началось опробывание механизмов и пробные включения.

Рядом с такими опытными энергетиками, как Х.Г. Бахрах, Е.Н. Малютина, И.А. Медведев, М.А. Драчнев, И.П. Головащенко, М.А. Дехтярёв, С.Г. Аушев и другие, работала и училась у старших молодёжь 15 – 17 лет. И уже вскоре А.Д. Горьков, Н.К. Родин, И.А. Галдин, Н.М. Мёрзлый, В.Ф. Пыльская, Н.К. Давыдов стали хорошими специалистами.

В разные годы большой вклад в становление и развитие станции внесли А.П. Вишняков, И.П. Чугунов, Г.Т. Кочетов, В.Г. Казаков, А.А. Шорников, М.И. Ахремчик, П.Н. Круглов, А.В. Орлов, А.Г. Шаго, Д.Т. Зилес, И.М. Реуф, Л.И. Реуф, В.Д. Камышников, В.А. Волков, А.В. Синельников, Е.А. Онисенко, В.П. Мозгунов, Ю.К. Буряков, С.В. Жуков, В.А. Кудинов, П.С. Уваров, И.В. Синдякина, И.Д. Сидоренко, П.И. Мироненко, К.В. Плотников, С.И. Савин.

Про некоторых из них мы ещё расскажем. Иные из названных до недавнего времени работали на рабочих и инженерных должностях.

Вот как вспоминал о днях подготовки и пуска станции первый директор ТЭЦ В.И. Смирнов:

«Я принял Безымянскую ТЭЦ 12 июля 1941 года, зная, что пустить её надо как можно скорее. Помню наш совсем не торжественный въезд на станцию на полуторке. Вместе со мной прибыли главный бухгалтер Семён Иванович Тарасов, старший мастер по ремонту Николай Александрович Максисменко, инженер-химик Андрей Борисович Шаго и ... два письменных стола для обзаведения хозяйством. Что мы увидели? Строительство в самом разгаре. Закончены, но ещё в лесах, главный корпус, котельный и турбинный залы, строится топливоподача, канал для водоснабжения. А строителей – как птиц весной на деревьях, только черенки лопат мелькают. Надо всем – огромный лозунг: «Родина в опасности!» Объявлены чрезвычайные, сумасшедшие, я бы сказал, темпы.

Надо было начинать монтаж оборудования. Под котлы и турбины фундаменты были вырыты, а от береговой насосной на Самарке циркуляционных водоводов до ТЭЦ - нет. На станции всего одна линия на 35 кВ и один трансформатор для питания строительства. Готовить к эксплуатации, по существу, нечего. Стали набирать штат, помогали, чем могли, строителям, о которых мне тоже хочется сказать доброе слово. Генеральным подрядчиком на стройке был «Особстрой», заключённые. Работа шла круглосуточно. По ночам станция сияла в огнях, как новогодняя ёлка. И даже среди заключённых халтурщиков не было, как звери работали. Что такое «Родина в опасности» - понимали все. Был в руководстве «Особстроя» Александр Павлович Долгов, хорошо умел он с людьми разговаривать. И то, что люди сделали на строительстве в первые три военных месяца, можно считать настоящим подвигом.

Это относится и к монтажникам из «Оргэнергостроя» и треста «Котломонтаж». Запомнился мне представитель Ленинградского металлического завода шеф-инженер Александр Павлович Свиридов. Пока первую турбину устанавливали, он не уходил домой, как клушка над цыплятами хлопотал над ней и при запуске ему больше всех надо было. Монтажники из «Особстроя» и треста «Котломонтаж» были люди квалифицированные, наша ТЭЦ была для них не первой пусковой станцией. Мы лихорадочно, недосыпая, готовились к пуску. Город был погружён во мрак – строжайшая экономия электроэнергии, свет в дома подавался только на полтора часа утром и вечером. Жёсткие лимиты на её потребление предприятиями устанавливались и контролировались горкомом партии. Вокруг нас, на Безымянке стали размещаться эвакуированные заводы. Едва они спускали станки с колёс, с них требовали военную продукцию. А что значит промышленная продукция? Это прежде всего электроэнергия! Её ждали от нас, ТЭЦ стала центром внимания и надеждой всей оборонной промышленности города.

И вот в условиях нехватки кадров (у нас не хватало около 90 человек), множества недоделок, страшной спешки и всяких бытовых неурядиц 15 октября 1941 года мы включили первый агрегат. Как это выглядело? На первый взгляд, обычно. Растопили котёл, подняли давление, продули паропроводы, подвели пар к турбине, запустили её.

Работали две спецбригады, которые быстро устраняли все дефекты, возникавшие в ходе опробования. Всё по технологии, как положено, только максимально быстро, максимально сосредоточенно и надёжно, и каждый понимал, какую ответственность несёт. За нашей спиной были заводы, выпускавшие истребители, авиамоторы, снаряды. 72-часовое испытание выдержали и котёл, и турбина, и насосы, и трубопроводы. 18 октября Государственная комиссия приняла ТЭЦ, с первого дня её энергия работала на нужды фронта. ТЭЦ встала в ряды защитников Родины...»

Итак, 18 октября 1941 года на Безымянской ТЭЦ вступила в действие первая турбина типа АТ-25 (станционный № 2) с генератором мощностью 25 тыс.кВт и котлом производительностью 200 тонн пара в час. Впоследствии в январе 1942 года была пущена турбина АП-25 (станционный № 1).

В наше время вряд ли какой директор решился бы пускать агрегат, не имея резерва. Владимир Иванович шёл на огромный риск, ведь тогда остро не хватало и квалифицированных кадров для его обслуживания. И если бы вдруг случилась авария – не сносить бы Смирнову головы.

Но не было тогда в резерве ни турбин, ни котлов. Аналогичная ситуация сложилась и на береговой насосной. Вот как вспоминает о тех днях техник-электрик А.С. Авербух, прибывший из Одессы в сентябре 1941 года.

«Я был начальником смены на электростанции, - рассказывал Анатолий Саулович. - Из Одессы вырвался чудом, потому что с суши город был уже осаждён фашистами, а с моря беспощадно обстреливался. Пока город боролся, электростанция должна была давать ток, и мы все были как бы на боевом посту. Потом приказ: станцию взорвать и уходить. Страшный приказ! Но не отдавать же её фашистам!

А в Куйбышеве на Безымянке – опять на боевом посту, только что не бомбят, не стреляют... Кругом военизированная охрана – строительство ТЭЦ расценивалось как сооружение объекта военного значения. Все, кто работал у нас, имели бронь от призыва в армию... Если кто-то уходил добровольцем на фронт, его возвращали через военкомат. Более того! У нас были рабочие, направленные к нам, как на фронт. Нашей электроэнергии ждали заводы авиацион-

ный, моторостроительный им. Фрунзе и другие. Ведь каждый из них выпускал в те дни продукцию для фронта. Без электроэнергии из цехов авиационного завода не могли бы выходить Илы, с других заводов – снаряды, гранаты. Мы пропадали на ТЭЦ сутками; обслуживающего персонала не хватало, часто приходилось дежурить и две смены, и три.

Я работал монтером береговой насосной, старшим дежурным электромонтером. В октябре, когда только и говорили о пуске первой машины и котла, был готов лишь один насос для подачи охлаждающей воды на турбину и подпитку котла. Пускать агрегат при отсутствии запасного насоса было рискованно, но другого выхода просто не было. Конечно, случались перебои в работе, насос-то не вечный и схема управления электродвигателем несовершенна, и он иногда оттаивался. Требования к нам, энергетикам – и к рядовым, и к начальству – предъявлялись очень жёсткие. Любая, самая короткая остановка ТЭЦ расценивалась как ЧП и расследовалась комиссией на уровне обкома партии и НКВД. Ответственность была огромная, и каждый понимал это. Лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!» для каждого был личным девизом, а конкретно означал строжайшую дисциплину, персональную ответственность».

Дополнительные насосы для береговой насосной смонтировали только в ноябре 1942 года, то есть больше чем через год.

Что же касается котла и турбины, то они работали без остановки даже тогда, когда пустили другие агрегаты.

Остановок никто не запрещал, да они и полагались по правилам технической эксплуатации. Но остановить котёл означало затратить сутки на его остывание и ещё несколько часов на уборку шлака. В условиях военного времени это казалось не позволительной роскошью. По негласной договорённости на остывание котла отводили 5 – 6 часов, и при температуре 80° его уже расшлаковывали.

О строителях, эксплуатационниках, ремонтниках той поры ходят легенды. Довелось услышать немало рассказов об изумительных по своей самоотверженности и героизму поступках, которые в то время воспринимались едва ли не как обычное явление. Мне говорили об отважном сварщике И.А. Терёхине. Когда котёл остывал до 80°, он надевал огнеупорный костюм и лез со сварочным аппаратом в раскалённый котёл, чтобы устранить неисправность. Ивана Алексеевича время от времени поливали водой из шланга, чтобы он мог выдержать эти 80°. Он работал, как в парной, но выдерживал и дело свое выполнял наилучшим образом.

Пример не единичный, и сейчас в это даже трудно поверить. Но так было!

Будничная работа

Безымянская ТЭЦ, как свидетельствуют ветераны энергетики, была по тому времени очень крупным энергетическим объектом. Большого опыта эксплуатации подобных сооружений у нас еще не было. Возникало немало чрезвычайных ситуаций, которые ни в каких инструкциях предусмотрены не были, а на выход из них оставалось чрезвычайно мало времени. Здесь уже многое зависело от опыта и сообразительности обслуживающего персонала и первых руководителей. И вот тогда-то, как лакмусовая бумажка, проявлялись личные качества энергетиков.

На Безымянской теплоэлектростанции и до сих пор с огромным уважением и любовью вспоминают бывшего управляющего объединением «Куйбы-

шевэнерго» М.И. Матюнина. Один из старейших энергетиков страны, Михаил Ильич в свое время курировал строительство, пуск и развитие Безымянской ТЭЦ и работал в теснейшем контакте с его руководителями и рабочими. Эти связи были настолько глубоки и прочны, что М.И. Матюнин часто оказывался в центре событий на БТЭЦ, которые, что скрывать, порой принимали драматический характер. И Михаил Ильич оказывался первым, кто брал на себя ответственные решения.

Так было и 7 ноября 1941 года. Станция благополучно работала и Матюнин, бывший в то время главным инженером Куйбышевского энергокомбината, после парада с несколькими работниками поехал в село, надеясь купить продукты. Уже начались морозы, и Михаил Ильич вспомнил о разговоре, который состоялся недавно на ТЭЦ: по реке Самаре может пойти «сало», или, как ещё говорят, ледяная шуга, и забить сетки насоса, подающего на станцию воду.

Поездка была не очень удачна. Усталые и замерзшие, энергетики вернулись в город. Но вместо того, чтобы отогреться в теплой квартире, Михаил Ильич поехал на станцию: что-то беспокоило его. Так и есть. Началась метель, по реке пошла шуга, сетки насоса забило ледяным крошевом, прекратилась подача воды, остановилась машина. Руководители турбинного и электрического цехов нужных мер вовремя не приняли... Этот случай разбирали на бюро обкома партии, виновных наказали.

Нечто подобное произошло еще раз, и тут проявил нерешительность главный инженер ТЭЦ А.П. Немов. А всего-то требовалось остановить насос (у него уже был дублер), очистить сетку и поставить на место. Немов опасался, а вдруг в это время и другие насосы забарахлят? Михаил Ильич вместе с дежурным слесарем сделал всё, что требуется, за полчаса. Словом, показал, что в экстремальной ситуации надо брать ответственность на себя.

Но были беды, которые подстерегали станцию на протяжении многих лет. Большие сложности постоянно возникали при разгрузке составов с углем или барж с известью. В этих случаях аварийно на разгрузку направляли персонал из других цехов или присланных на станцию рабочих с других организаций и заводов.

Однажды, когда директор ТЭЦ В.И. Смирнов тяжело болел несколько дней, М.И. Матюнин почти не уходил со станции. Запасов угля оставалось на 5-6 часов. Михаил Ильич позвонил диспетчеру железной дороги, но тот ответил, что в адрес БТЭЦ грузов нет, ближайший состав с углем со станции Абдулино должен отправиться в другом направлении. Но нельзя же допустить остановки станции!

Матюнин позвонил ночью секретарю обкома партии Никитину. Через час состав с углем переадресовали на БТЭЦ.

Но и прибытие угля не всегда означало, что станция спасена. Уголь часто приходил смерзшийся, не разгружался в бункер. На улице - мороз, а у раздаточного стола подачи топлива - плюсовая температура, и на перепаде температур образовывалась твердая корка. Сверху её не пробьешь, а спускаться в бункер опасно: чуть соскользнет нога - и попадешь под лопасти питателя... Но Матюнин однажды решился и прыгнул с кайлом в бункер. Разбив корку снизу, благополучно выбрался обратно. Потом и другие поступали подобным образом, инженеры-инспекторы тогда смотрели на это сквозь пальцы: не останавливать же станцию!

А вот случай, который произошёл зимой 1943 года.

На одном из котлов образовался свищ, из-за которого могли повредиться соседние трубы. Свищ надо было срочно ликвидировать.

Котёл остановили в 10 час. 30 мин. вечера. И когда температура снизилась до 80°, М.И. Матюнин вместе с мастером Владимиром Ивановичем Гайдуковым, надев телогрейки, валенки и огнеупорные костюмы, полезли в котёл. Конечно, было страшновато, их кое-кто пытался остановить. Но разве остановишь тех, для кого судьба производства, работавшего на фронт, была дороже собственной жизни!

Они набросали доски на раскалённую золу и медленно пошли по ним, осматривая трубы. А их в котле десятки, попробуй, найди, в какой свищ. Воздух раскалённый, дышать нечем... Отверстие в трубе нашли довольно быстро, пошли обратно, а доски под ногами уже горят. Сбросили их в топку - и бегом по раскалённой золе наружу! Выбрались живые... Как их встречали! Трубу обрезали и перекрыли уже сверху, не влезая в котёл. В половине пятого утра котёл растопили, а в семь часов он включился в работу. Потребители электроэнергии не пострадали.

Легенда? Нет, быль, похожая на легенду.

Здесь самое время сказать ещё несколько добрых слов о М.И. Матюнине. Михаила Ильича на Безымянской ТЭЦ считают своим ветераном, хотя он никогда не числился в её штате: уж очень слились судьбы этого предприятия и этого человека, станция стала для него стартовой площадкой в большую энергетику. Он занимался пуском турбин на Сызранской и обеих новокуйбышевских ТЭЦ, Волжской ГЭС и Тольяттинской ТЭЦ.

В 1945 году М.И. Матюнина наградили орденом Трудового Красного Знамени, а в 1966-м – орденом Ленина. В 1970 году к лацкану пиджака ветерана энергетики прикрепили второй орден Трудового Красного Знамени. Михаил Ильич был удостоен званий «Заслуженный энергетик РСФСР» и «Почётный энергетик СССР». Начало большому пути ветерана дала Безымянская ТЭЦ.

В годы войны всё делалось ускоренными темпами. Именно так ремонтировали и турбины. Тут вся надежда была на двух прекрасных турбинистов, братьев Дмитрия и Александра Горьковых. Это они в кратчайшие сроки налаживали забарахлившую турбину. А ведь выход из строя одной из них мог вызвать остановку двух таких предприятий, как завод им.Фрунзе.

Александра Дмитриевича Горькова, слесаря с 15-ти лет, влюбились в энергетику отец Дмитрий Иванович и дядя Александр Иванович. У них он учился ещё на Московской ТЭЦ № 1, с ними эвакуировался в Куйбышев. У братьев Горьковых учился не только сын Дмитрия, но и все турбинисты БТЭЦ. Братьев наградили: Дмитрия Ивановича – орденом Красного Трудового Знамени, а Александра Ивановича – орденом Ленина.

Александр Горьков работал в паре с Николаем Мёрзлым, оба учились мастерству у Горьковых – старших, оба стали классными специалистами.

Горьков и Мёрзлый вспоминали о ремонте первой турбины в 1944 году. Они сколотили бригаду из 15-ти человек и сделали всё за семь суток. По обычным меркам это заняло бы месяца полтора. Александр Горьков и Николай Мёрзлый стали мастерами высокого класса. Александр Горьков долгие годы был передовиком производства, награждён орденом Трудового Красного Знамени. У Николая Мёрзлого два ордена: Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта».

Люди творчески подходили к самому тяжёлому труду. Работала пытливая новаторская мысль. Как это проявлялось? Например, в электроцехе изготовили

приспособления, позволявшие в станционных условиях переизолировать стержни генераторов, производить перемотку роторов и т.д.

Одним из первых машинистов в турбинном цехе в 1941 году стал Х.Г. Бахрах. Впоследствии Хоня Григорьевич становится руководителем смены, цеха. Его переводят начальником ПТО на ТЭЦ Волжского автозавода. Но везде и всюду он оставался страстным новатором, модернизатором производства. Экономический эффект от внедрённых новшеств Х.Г. Бахраха превысил 63 тыс.рублей.

В 1941 году от Безымянской ТЭЦ в тоннеле протяжённостью 9,5 км были проложены тепловые сети магистрального трубопровода диаметром 500 – 600 мм. Первое тепло подали на расположившиеся на новом месте эвакуированные с западных районов страны предприятия, а также в часть нового жилого посёлка неподалёку от них.

В конце первого года войны в Куйбышеве было создано управление тепловых сетей (УТС) в составе двух сетевых районов: Куйбышевского с источником тепла от КГРЭС и обеспечивающего ряд промпредприятий старой части города и жилья в его центре, и Безымянского, который снабжал теплом и паром новый промышленный район.

Самая мощная

Уже через месяц после пуска первый турбоагрегат Безымянской ТЭЦ достиг установленной мощности. И до конца года мощность ТЭЦ продолжала стремительно возрастать. В начале 1942 года полным ходом шли монтаж и отладка второго турбоагрегата, продолжалось возведение цехов предприятия. Число рабочих, занятых на стройке, достигало 7 тысяч.

Второй турбоагрегат с паровой турбиной АП-25 с промышленным отбором 7 – атмосферного пара и паровой котёл производительностью 200 тонн пара в час запустили в январе 1942 года. А в декабре того же года был включён уже третий агрегат с турбиной АТ-25, демонтированный на одной из Московских ТЭЦ. Паровые котлы были изготовлены на Таганрогском заводе.

В конце года электрическая мощность Безымянской ТЭЦ составляла 75 тыс. кВт, в то время как установленная мощность всей Куйбышевской энерго-системы была 136 тыс.кВт по электроэнергии и 250 Гкал/час по теплоэнергии.

Безымянская ТЭЦ стала самой мощной электростанцией в Куйбышев-энерго.

Как энергетики добивались этого, рассказывает в своих воспоминаниях бывший начальник электроцеха Гурий Тимофеевич Кочетов.

«Я приехал на ТЭЦ в 1942 году после окончания Ивановского энергетического института. Думал – на фронт, а попал сюда. Здесь тоже был фронт, и хотя никто не погибал, мы всё время должны были думать об укреплении позиций, защите с флангов и т.д. Высокая надёжность БТЭЦ достигалась, вернее, выжималась невероятными усилиями, круглосуточной работой по эксплуатации и ремонту. Дежурный персонал всю войну трудился без выходных. Был у нас электрослесарь Александр Гаврилович Ведяшев, безотказный и ответственный работник. Однажды бригада ремонтировала на береговой насосной электродвигатель циркуляционного насоса. Многотонный ротор двигателя поднимали ручную талью с цепным приводом. И вдруг он стал опускаться прямо на обмотку двигателя. Александр Гаврилович мгновенно сориентировался и повис на цепи. Конечно, такой вес удержать невозможно при неисправной тали, ротор продолжал медленно опускаться. Ведяшев потом рассказывал: «Я думал, а вдруг произойдёт чудо, я удержу ротор и двигатель будет спасён». И чудо произошло, в какой-то момент он действительно остановился, не дойдя до двигателя, а тут подоспела подмога.

Вообще береговая насосная - очень ответственное звено в цепи электростанции, из-за прекращения её работы неизбежно наступала полная остановка станции. Поэтому здесь постоянно улучшались схемы электропитания и возбуждения, схемы управления, защиты, автоматики. У меня до сих пор сохранились воспоминания о чёткой эксплуатации оборудования и очень быстром устранении дефектов. Я вспоминаю о работе в тот период персонала других цехов станции, привлечённого к разгрузке угля. И зачастую это делалось очень быстро, даже если он был смерзшийся. В этом случае выходил весь ремонтный персонал из всех цехов и кувалдами, клиньями, кирками дробили уголёк, уголь въедался в поры, скрипел на зубах, оставлял без сна и отдыха. Особенно тяжёлым для разгрузки был уголь, получаемый из Донбасса после его освобождения и восстановления шахт.

На станции работал в годы войны парторг ЦК ВКП(б) Георгий Алексеевич Хестанов, в конце войны его заменил Г.Е. Морозов. Председателем завкома с 1942 по 1955 гг. был Реуф Иосиф Маркович. Как они работали? Чем были наполнены их дни и ночи? Не могу рассказать подробно, потому что, как и мои товарищи, был занят своим делом. Но, наверное, это были беспокойные дни и ночи. Об этом можно судить по тогдашнему ритму работы коллектива, по жёсткой дисциплине, по творческой активности людей».

Машинисты турбин и котлов, электрослесари в те времена напоминали часовых на опасном посту, который в любой момент мог быть атакован врагом – аварией. И постоянно возникали нестандартные ситуации, которые требовали нестандартных решений. И сегодня приходится просто удивляться тому, как вчерашние учителя, музыканты, представители множества других профессий, бесконечно далёких от энергетики, вчерашние школьники, не имевшие никакого жизненного опыта, находили выходы в сложнейших случаях отказа оборудования, не предусмотренных никакими инструкциями.

27 октября 1942 года произошёл разрыв трубы топки котла № 2. Временно перестали получать электроэнергию киркомбинат и мясокомбинат, замерли на рельсах трамвай областного центра. По нормам на ремонт требовалось более суток. Пренебрегая опасностью, бригада ремонтников ликвидировала аварию за девять часов.

Непокорный уголь

По проекту в котлах Безымянской ТЭЦ должны были сжигать Донецкий уголь АШ (антрацитовый штыб). Но оккупация Донбасса приостановила его поставку. Использование в топках отработанного масла и сырой нефти не спасало положения. Перед инженерами и рабочими встала новая задача: с максимальной быстротой перестроить системы на сжигание карагандинского угля. С точки зрения поставок здесь всё было надёжно – Восточной угольной базе ничто не угрожало.

Однако всё оказалось не так просто. Переход на сжигание нового вида угля (казалось бы, какая разница – уголь и уголь!) означал неизбежную реконструкцию пылесистем, горелочных устройств, топок котлов. В мирное время это наверняка потребовало бы долгих месяцев кропотливой работы исследователей, проектировщиков, металлургов, ремонтников и эксплуатационников. Но у энергетиков не было возможности и на день остановить станцию.

Потребность в угле была очень большой. Только Куйбышевской ГРЭС на 30 часов работы требовалось 800 т угля. Он шёл непрерывно эшелонами, и его все равно не хватало. Например, в декабре 1942 года на главных станциях Куйбышевэнерго - Куйбышевской ГРЭС и Безымянской ТЭЦ – запасов угля имелось только на четверо суток.

О том, каких усилий стоила переработка карагандинского угля, говорится в книге «Ступени роста» (Куйбышевское кн. изд-во, 1983 г.), в основу которой положен материал, собранный и систематизированный М. И. Матюниным. Труженики безымянских оборонных и других заводов, работавшие по двенадцать и более часов в сутки, конечно же, не догадывались, каких героических усилий стоило энергетикам бесперебойно обеспечивать электроэнергией все станки, прессы и другое оборудование все военные дни и ночи.

Карагандинский уголь на Безымянскую ТЭЦ принимался по железной дороге в открытые траншеи и в закрытый разгрузочный сарай, оборудованный бункерами и лопастными питателями. Уголь приходил перемешанный со снегом, смерзался и зависал над столом питателя, образуя прочную корку. Это грозило остановкой подачи топлива в котлы. Как выходили из положения – об этом говорится в воспоминаниях ветеранов. Принимались опасные для жизни решения, оправдать которые можно было только военным временем. Ведь вся Родина была в опасности!

Положение с топливом на Безымянской ТЭЦ несколько улучшилось лишь с конца 1943 года, когда на станцию по 180 – километровому трубопроводу стал поступать газ из Бугуруслана. Однако до кардинального решения проблемы было еще далеко.

В связи с войной оказались перекрыты пути, по которым на ТЭЦ доставлялась известь для химической водоочистки. И тогда на теплоэлектроцентрали без какой-либо документации срочно построили свою обжигательную печь, выбрав для неё место на складе. Печь исправно действовала все военные годы, обеспечивая растущие потребности в реагенте.

Не хватало топлива, не хватало энергии. А потребности в ней, а также в тепле постоянно возрастали. На повестку дня выходил режим жесткой экономии, использования скрытых резервов.

В сентябре 1942 года состоялось совещание энергетиков, партийных и хозяйственных руководителей всех промышленных предприятий,строек и транспорта. Участники совещания в своем обращении к коллективам предприятий, энергетикам и технологам призвали повести борьбу за экономию каждого киловатт-часа электроэнергии, каждой калории тепла, каждого килограмма угля.

Обком партии и облисполком поддержали эту инициативу Куйбышевэнерго. Тогда и было принято решение об организации соревнования за экономию энергии и топлива, учреждено переходящее Красное Знамя для награждения предприятия - победителя.

КГРЭС и БТЭЦ первыми заключили договор о соревновании за экономию и бережливость. Первое переходящее Красное знамя завоевали труженики КГРЭС.

Героически трудились энергетики на всех постах. Рабочий день длился более 12 часов. А уж когда выходило из строя оборудование или прибывал очередной эшелон с углем, время как бы останавливалось. Однако несмотря на введение брони, ощущался большой недостаток в рабочих всех специальностей. Не хватало и механизмов – кранов, экскаваторов и транспортёров, и приходилось вручную выполнять огромные объемы тяжелых работ. И всё это – за счет личного времени работников ТЭЦ. Впрочем, понятия «личное» и «государственное» сливалось тогда в одно – «необходимое для Победы». Ветераны вспоминают, что в августе 1942 года на разгрузке угля вместо положенных 100 человек работало лишь 28....

Именно тогда были приняты срочные меры для укрепления кадров.

В конце 1942 года Государственный комитет обороны постановил увеличить более чем на 60% зарплату рабочим и ИТР энергопромышленности. Для них была повышена норма отпуска продуктов питания, выделены продукты на дополнительные обеды без карточек, установлены другие льготы.

Эти меры и способствовали укреплению кадров на Безымянской ТЭЦ.

В четвёртом квартале 1942 года производственный план по Куйбышевэнерго был выполнен на 112 %. По итогам года Безымянская ТЭЦ была удостоена высшей награды во Всесоюзном соревновании – Красного знамени Государственного комитета обороны. Были названы лучшие труженики и новаторы производства в Куйбышевэнерго. На Безымянской ТЭЦ ими стали старший кочегар У.Д. Ермолаев, который сэкономил за месяц 50 т угля, его коллеги Я.И. Самохин и И.А. Медведев, а также машинист А.И. Махотин, которые записали на личные счета экономии по 15-16 т топлива каждый. Все они были премированы.

Движение за экономию стало массовым. Пример показывали его инициаторы. Так, рабочие и служащие БТЭЦ, снизив потребление электроэнергии на собственные нужды, сберегли 2,5 млн.кВт.ч.

Ради Победы люди ничего не жалели. Не считаясь со временем, работали, жили в невероятно тяжёлых условиях. Но и тогда нашли возможность не только открыть детсад, но и выделить квартиры под ясли, начальную школу. С помощью подшефного совхоза «Комсомолец» старались организовать самое лучшее, какое возможно было в тех условиях, питание для детей. Из совхоза для детей и в рабочую столовую поступало мясо, молоко, овощи.

И что примечательно – первый детсад для детей работников Безымянской ТЭЦ был открыт в самый трудный год войны – 1941-й.

И как бы ни было трудно, находили возможность из в общем-то, небольших заработков выделять часть средств в фонд обороны. В начале 1943 года в общей сложности на эти цели было перечислено 46411 рублей, в том числе 21965 рублей - на создание авиаполка им.В.В. Куйбышева.

В ноябре 1942 года мощность Безымянской ТЭЦ втрое превысила первоначальную и составляла уже 75 тыс.кВт.

Высшая награда

Путь к Победе начался с первого дня войны.

В 1944 году отпуск тепла с Безымянской ТЭЦ составил 345 тыс. Гкал при общем отпуске тепла по Куйбышевской системе 438 тыс. Гкал.

Увеличение потребности электроэнергии в военные годы промышленными предприятиями сопровождалось ускоренным строительством кабельных линий электропередач от БТЭЦ и ГРЭС. В связи с тем, что город Куйбышев все годы войны испытывал острейшую нехватку энергоресурсов, в 1944 году начались работы по расширению Безымянской ТЭЦ.

Вот что рассказывал об этом слесарь-котельщик Владимир Григорьевич Кузнецов:

«Я, как и многие другие ветераны ТЭЦ, работавшие с военных лет, окончил ремесленное училище № 14. Было такое на улице Куйбышева. Многие из нас вспоминают его добрым словом и живут делом, которое дало нам в руки это училище.

В 44-м, когда я только пришёл на ТЭЦ, началось её расширение. Шёл монтаж четвёртого котла. Годы с 1944 по 1950-й были самыми трудными для станции. Всё, что стабильно работало, пришлось пересматривать, реконструировать, менять. В 1947-м году из Германии по репарациям были получены котёл паропроизводительностью 120 т/час и турбогенератор мощностью 50 тыс.кВт. Агрегаты эти на наши не похожие, капризные. Потом получили мельницы американские, а запасных частей к ним нет. Однажды вышел из строя опорный подшипник диаметром 1200 мм, просто стёрся специально наплавленный на него слой баббита. Обратились на подшипниковый завод, на другие предприятия – никто не берётся изготовить приспособление для его наплавки на такой огромный подшипник. А без баббита хоть плачь – мельница без подшипника работать не может. Что делать? Сами изготовили приспособление, решили наплавлять баббит с помощью газосварки. Конечно, сразу не получилось, баббит плавился, отставал. Помучились мы, но, в конце концов, привели подшипник в порядок. И позже довольно часто пользовались своим же методом. Вслед за этим начали реконструкцию мельничных вентиляторов, а также установку более экономичных и производительных».

В 1945 году ТЭЦ выработала уже 516,7 млн.кВт.ч электроэнергии.

Безымянская ТЭЦ все годы войны бесперебойно снабжала энергией большой комплекс промышленных предприятий оборонного назначения и десятки предприятий, производящих мясные, молочные продукты и хлеб, стройки и фабрики лёгкой промышленности, давала тепло в тысячи квартир, больницы и школы. Не раз теплоэлектроцентраль завоёвывала переходящее Красное знамя

Государственного комитета обороны. Это знамя было оставлено коллективу ТЭЦ на вечное хранение.

А в апреле 1945 года Безымянская ТЭЦ была награждена высшей наградой – орденом Ленина. Более 30 работников системы Куйбышевэнерго были удостоены высоких государственных наград.

На БТЭЦ орден Ленина был вручён машинисту Е.Н. Малютиной, орден Трудового Красного Знамени – старшему кочегару У.Д. Ермолаеву.

На мирные рельсы

В пору восстановления народного хозяйства в освобождённых от оккупации районах страны резко возросла потребность в электроэнергии. Это потребовало наращивания мощности действующих электростанций, в том числе и Безымянской ТЭЦ. Здесь работы по расширению станции начались ещё задолго до окончания войны, в 1944 году. С этой целью было создано управление строительства БТЭЦ.

В первые же мирные годы началось интенсивное развитие нефтяной индустрии области. Это требовало дополнительных затрат энергии. И уже в 1947 году началась электрификация нефтедобывающей промышленности области. В дальнейшем это привело к развитию нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, что, конечно же, могло произойти лишь при условии увеличения мощностей электростанций. Теплоэлектроцентрали продолжают оставаться двигателем технического прогресса во всех сферах народного хозяйства страны, сами одновременно совершенствуясь и модернизируясь.

В связи с электрификацией нефтедобычи на дно Волги зимой 1947 года было уложено два импортных кабеля напряжением по 35 кВ от Безымянской

ТЭЦ до посёлка Зольный в Жигулях, с двумя воздушными подходами. А в 1949 году на БТЭЦ вводятся в эксплуатацию поставленные по репарации из Германии турбогенератор на 50 мВт фирмы АЕГ и котёл типа КСГ производительностью 120 т/ч. В 1950 году включается в работу второй такой же котёл.

21 августа 1950 года Совет Министров СССР принял решение о строительстве Волжской ГЭС в районе города Ставрополя (ныне город Тольятти). С этой целью была создана новая организация трест - «Куйбышевгидрострой».

И уже в следующем, 1951 году, строители сооружают на БТЭЦ подстанцию на 110 кВ, от которой идут две линии напряжением 110 кВ до объектов этой крупнейшей послевоенной стройки. Единственным источником электроэнергии для неё являлась тогда Безымянская ТЭЦ.

На теплоэлектроцентрали начинается строительство котлов и турбин с параметрами 100 атм. и 500 °С.

В 1952 году здесь принимают в эксплуатацию котёл № 6, турбогенератор № 5 ВК-50 с генератором Т-2-50. В следующем году вводят в эксплуатацию ещё такой же котёл и турбину ВПТ-25 с генератором ТВ-25, а в 1955-м – третий котёл ТП-230 и турбину ВТ-25 с генератором Т-2-25.

Так было завершено расширение теплоэлектроцентрали. Электрическая мощность станции достигла 225 Мвт, а её тепловая мощность - 365 Гкал/час. В последующие годы этот показатель резко пойдёт в гору.

В 1953 году на базе Безымянской ТЭЦ и КГРЭС было организовано производственно-ремонтное предприятие (ПРП) для ремонта тепловых электростанций Куйбышевэнерго, которых к этому времени в системе стало четыре. Возглавил новое подразделение бывший начальник котельного цеха БТЭЦ И.В. Цильман. А в 1955 году при ПРП организовали лабораторию металлов и сварки. Здесь осваивались методы неразрушающего контроля металла и сварных соединений которые успешно внедрялись на вводимых в эксплуатацию котлах высокого давления, в том числе и Безымянской ТЭЦ.

О тех первых послевоенных годах с волнением вспоминают ветераны. Вот что рассказала Валентина Николаевна Дмитриева:

«У меня сохранился комсомольский билет, выданный на ТЭЦ в декабре 1942 года, где я, еще Агеева Валя, просто девчонка, эвакуированная из Москвы с родителями. Отец мой, Агеев Николай Васильевич, монтажник треста «Теплоконтрольмонтаж», пускал вторую очередь ТЭЦ. И мы - я и моя подруга Римма Гусева (ее отец был бригадиром монтажников) в 1942-1943 гг считались работниками не электростанции, а треста, где работали наши отцы. Двое худеньких подростков – восьмиклассниц мы мало что умели, просто помогали. Обстановку на ТЭЦ военных лет, однако, мы хорошо запомнили.

В 1947 году я пришла на Безымянскую ТЭЦ – уже наладчицей КИП в цех теплоавтоматики и измерений. Коллектив наш был небольшой, дружный, возглавлял его Сергей Васильевич Пыльский, человек очень строгий и знающий своё дело. Станция работала с максимальной нагрузкой, особенно с 1950 года, когда началось строительство гидроузла у Жигулёвских гор. Контрольно-измерительные приборы станции уже требовали замены или модернизации, часто выходили из строя, так как не было возможности вовремя проводить их профилактический осмотр и ремонт.

Пыльский предупредил нас, что будем пользоваться для профосмотра и наладки приборов небольшими останками котлов и турбоагрегатов. Если это случится ночью, нас могут вызвать, и мы должны, как солдаты, в течение 15-ти

минут явиться на станцию. Так оно часто и бывало. Помню, однажды котёл погасили на всю ночь и мы всю ночь работали. И настроение у нас было, как у солдат в строю: сказано – ни малейшего сброса напряжения. Работали так, чтобы, потребители не почувствовали недостатка электроэнергии.

С того самого года, когда я пришла на ТЭЦ, началась автоматизация. Из Москва приехала группа энергетиков – автоматчиков. Первое, что было сделано, автоматизация питания котла. Ведь как раньше было? На самой верхотуре котла в жаре, в страшно загазованной кабине сидел человек по должности – водосмотр, который регулировал уровень воды в барабане котла при всех режимах. Водосмотрами были, в основном, девушки, и давно настало время освободить их от этой вредной монотонной работы. Когда регулирование уровня воды, температуры и давления было автоматизировано, сама профессия водосмотра отпала, как ненужная. Московская группа тогда сделала много, её руководителям за разработку энергоавтоматики присудили Сталинскую премию.

Всю свою жизнь, работая на ТЭЦ, мы не разлучались с Риммой Ивановной Гусевой. И вообще молодёжь ТЭЦ жила дружно, весело. Мы любили свою станцию, любили и уважали друг друга и во всём поддерживали. Как-то не было такого: это дело моё, а это – не моё. Все отвечали за всё. В 1948 году у нас был пожар – сгорели щиты управления двух котлов, а без управления котёл не может работать. Монтаж новых щитов займёт не менее недели при круглосуточной работе. И в этом, казалось, безвыходном положении выход был найден. Через несколько часов с минимальным количеством измерительных приборов котлы были включены в работу. А уж потом, в течение 10 дней, смонтировали новые щиты, более удобные, практичные.

Станция начала расширяться по всем параметрам: устанавливали новые турбоагрегаты, котлы. Нам тоже прибавилось работы.

И когда под новый, 1955 год, Волжская ГЭС дала первый ток, мы тоже чувствовали себя именинниками, потому что в этом пуске и наша энергия была – электрическая, человеческая. Значки строителей Волжской ГЭС, которыми нас наградили тогда, мы носим с гордостью, как награды военных лет».

Валентину Николаевну Дмитриеву наградили орденом Трудового Красного Знамени. Всю свою жизнь она была не просто добросовестный работник, но ещё и работник общественный. Во-первых, всё время обучала наладчиков. Десятки учеников прошли через её руки, ум, сердце. В 1978 году на ВДНХ состоялось первое Всесоюзное совещание наставников энергопредприятий. В павильон энергетики пригласили самых достойных, самых инициативных учителей молодых рабочих. Среди них была и Валентина Николаевна. Выступала, защищала интересы куйбышевских энергетиков, говорила о необходимости открытия профтехучилища в городе – было же до 50-х годов ремесленное училище! И не её вина, что такого ПТУ не стало...

А ещё наладчица Дмитриева – лауреат областной премии ВОИР 1979 года. Единственная женщина – рационализатор лауреат с БТЭЦ. Все её предложения направлены на экономию – электроэнергии, тепла, кабеля... Другими словами, она была одной из хозяек ТЭЦ, любящих и берегущих свою родную станцию.

В годы войны и позже на ТЭЦ работало не так уж много женщин. Ибо труд на электростанции приравнивался к военной службе. Но те, что работали, несли её не хуже мужчин. Валя Агеева, Римма Гусева – тоненькие девчушки, способные не спать ночами в долгом бдении над приборами, считавшие себя ответственными не только за эти приборы, но и за всю станцию.

А вот и ещё одна, тоже хрупкая девушка, Екатерина Николаевна Малютина, во что бы то ни стало решившая стать турбинистом. Представьте себе её в ревущем, похожем по звуку на взлёт современного лайнера, турбинном цехе рядом с агрегатом, в котором десятки тонн масла, четырехсотградусный пар, вечная взрыво- и пожароопасность. И всем этим управляет тоненькая застенчивая девушка, управляет ловко, быстро реагируя на смену давления, температуры, свободно ориентируясь во всех режимах работы турбогенератора. И она же - секретарь партийной организации цеха, член партийного бюро ТЭЦ и депутат городского совета. И всюду успевает.

Такими они были в те далекие годы. А с Екатериной Николаевной мы еще встретимся на страницах этой книги.

Активисты профсоюза

На Безымянской ТЭЦ всегда действовал боевой, работоспособный профсоюзный комитет. Первым его председателем с 1942 по 1955 г.г. был Иосиф Маркович Реуф. Это благодаря его усилиям в 1942 тяжелейшем году на станции открылся клуб. Это стало событием. В клубе заработали драматический, хоровой, танцевальный кружки, в которые пришли около ста человек. Создали духовой оркестр. И в самые трудные для Родины годы люди хотели и умели быть счастливыми. Они отдавались песне и танцу, ставили спектакли. И это было не просто желание бесшабашного веселья. Энергетики как бы утверждали свое право на нормальную человеческую жизнь, это был их ответ наглому вторжению врага, они доказывали, что никакие лишения им не страшны, что их не сломить. Активное участие в художественной самодеятельности принимали эвакуированные.

Самодеятельность ТЭЦ была одной из лучших в городе, её «артистов» приглашали выступать в клубах других предприятий. И это понятно: ведь коллектив станции, по сути только что родившийся, был очень дружным. Люди вместе работали, вместе отдыхали и даже огородничеством занимались сообща.

Родоначальник известной рабочей фамилии на ТЭЦ Николай Константинович Родин вспоминал:

«Конечно, молодость брала своё. Бывало, летом смену отстоишь, да баржу с известкой или солью разгрузишь – уж устал, кажись, дальше некуда, а в Самарке выкупаешься – и опять свежий да молодой и гулять хочется. Наш район - заводской, его зенитки охраняли. Однажды ночью катаемся на лодках по Самарке, песни поем, вдруг гул, стрельба – вражий разведчик в небе, а зенитки бьют по нему, осколки в воду летят. Мы под деревья, а сами ликуем, хохочем: врешь, гад! Не пройдешь! А в клубе что делалось! Сейчас такой самодеятельности нет и быть не может! Или дружбы такой нет? Тогда ведь как? Назло войне, неурядицам, горю! Драмкружком руководил мастер электроцеха по ремонту приборов Вячеслав Семенович Полюнкин. Он в Щепкинском театральном учился, так слыл среди нас корифеем. В драматический ходили Сергей Васильевич Пыльский, инженер электролаборатории, Вячеслав Иванович Гайдуков, старший мастер котельного цеха, Тамара Андреевна Фея, пылевик котельного цеха, впоследствии работала дежурным монтером главного щита управления, Николай Николаевич Паранин, коммунист с дореволюционным стажем, Френкель Готлиб Миронович, дежурный инженер, танцор, артист великолепный, Владимир Гегоргий Иванович – то же дежурный инженер, балагур, певец. Вот был цвет самодеятельности! Ставили пьесы «Чужой ребенок», «Платон Кречет» (это уже по-

сле войны) В духовом оркестре играл на трубе слесарь-турбинист Александр Дмитриевич Горьков.

В клубе «крутили кино». А по праздникам в зале подводили итоги работы, поздравляли победителей соревнования, награждали лучших. И устраивали свадьбы.

А когда клуб закрывался или был занят, Люся Стояновская, дочка замдиректора, выносила на улицу патефон, и все мы друг за другом ухаживали, влюблялись. Хорошо было! Молодо!

У нас была прекрасная комсомольская организация, сильная, с нами считались. Мы чувствовали себя нужными, и не было дела на станции, в котором мы бы не участвовали. Тополя от проходной до главного здания при нашем участии сажали, и сад весной 1944 г на территории станции разбивали то же с нашим участием. Сада и стадиона, уничтоженных постройками, жаль... И тополей жаль – стареют, не один уже рухнул. Тоже ветераны. Надо бы нынешним молодым все это завести сызнова. Тогда бы и станция им дороже стала. Помню митинг 1 апреля 1945 года у здания химводоочистки... Уже началось наступление на Берлин – об этом только что сообщили по радио. Настроение у всех приподнято – до Победы рукой подать! 36 человек из коллектива станции и системы были награждены тогда орденами и медалями. Орден Ленина получила машинист турбины Екатерина Николаевна Малютина, ордена Трудового Красного Знамени – кочегар Ермолаев Устин Данилович и первый директор ТЭЦ Владимир Иванович Смирнов. Слесарь Дмитрий Иванович Горьков и Сергей Григорьевич Аушев, начальник электроцеха, были награждены орденами Красной Звезды. Настроение было радостное, приподнятое, хотелось петь и горы сворачивать – лишь бы скорее наступила Победа...»

После Победы большинство самодеятельных артистов из числа эвакуированных возвратились в родные места. Но есть и те, кто навсегда остались здесь, обретя на Безымянке свою вторую родину.

Молодежь выстроила стадион. Футбольная команда «Энергия» вполне оправдывала своё название. Спортсмены ТЭЦ брали первые места и в районе, и в городе, и в министерстве. Прекрасным футболистом был Александр Дмитриевич Горьков. Его приглашали центральным нападающим в «Крылья Советов»

На стадион любили ходить руководители теплоэлектростанции. Частым гостем был директор Алексей Петрович Вишняков – любил и в городки поиграть, и в волейбол.

Рассказы о ветеранах.

Воспоминания

Дорогие мои ветераны...

Кадры, кадры....

Когда я в начале июля 1941 года пришел на Безымянскую ТЭЦ, то самой первой, самой главной моей заботой стали кадры.

Где взять людей? С ГРЭС? Оттуда и так взяли, кого можно было. Но ведь буквально на каждом участке требовались специалисты. И мы стали набирать их из эвакуированных. Они начали прибывать в конце июля. Впечатление от первых встреч с этими людьми, побывавшими в тылу врага, в пекле войны, было жутким. В начале августа приехала группа энергетиков Белорусской ГРЭС из-под Орши с семьями, 46 человек. Они на БелГРЭСе держались до последнего часа и ушли последними вместе с воинскими частями. На эвакуацию было дано несколько часов, и приехали они в Куйбышев кто в чем был - дети в летнем, без теплой одежды и обуви, без постелей. Потом потекли кадры из Одессы, Киева, Харькова, Брянска, из - под Москвы. И все примерно в таком же положении. Где их размещать? Как обуть – одеть? Весь наш жилой фонд состоял из 46-квартирного дома и нескольких недостроенных бараков. А осень на носу. И стали мы всех расселять по квартирам. По две- три семьи в одной комнате – вот как жили энергетики в 41-42-м годах. Одевали-обували тоже всем миром - война всех породнила.

О бедственном положении эвакуированных доложили в обком партии, да и на ТЭЦ не хватало спецодежды. К этому времени в Куйбышев эвакуировался Совет Народных Комиссаров, и был там начальник управления кадров ЦК т. Кокатушкин. Ему-то и было поручено обеспечить нас одеждой, обувью, теплыми вещами. Состоялось бюро обкома партии по этому вопросу. Первым секретарем обкома был тогда Никитин Владимир Дмитриевич, вторым – Муратов Николай Федорович. Пригласили всех руководителей местной промышленности и торговли. Я рассказал о нашем бедственном положении, и нам выделили вскоре телогрейки, теплые брюки, валенки, одеяла. Но это было уже к зиме 42-го. А мне хочется вернуться в октябрь 1941 года, когда был пущен первый агрегат.

Но не думайте, что мы вздохнули с облегчением. Несколько месяцев котел, турбина, насос береговой насосной работали без всяких резервов. Это держало обслуживающий персонал в страшном напряжении. Но и зимой 42-го, когда пустили второй котел и вторую турбину, и в 43-м, когда заработали третьи агрегаты, легче не стало, скорее наоборот. Теперь мы стали первые по мощности в энергосистеме, а следовательно, и ответственность стала выше.

В стране не хватало топлива, электростанциям давали уголь второсортный, непригодный для металлургической промышленности – мелочь, иногда пыль. Особенно трудно было разгружать уголь зимой. Открываем люки вагонов, а уголь не течет – смерзся по дороге, его надо долбить кувалдами, ломом, кирками, клиньями – иногда на всю глубину и длину вагона, т.е. 40 тонн мерзлого монолита. И ни одного наёмного грузчика! Объявляем по радио: «Аврал!», собираем всех свободных от вахты, членов семей. Кто только не колупал уголёк! Однажды главный инженер «Особстроя» выделил нам 100 человек на разгрузочные работы. Это были условно осужденные. Собрали мы их в красном уголь-

ке, посмотрели на них и поняли, что плохие они помощники – кто больной, кто покалеченный ... И то сказать, если бы здоровы были, воевали бы на фронте. Они работали, конечно, хорошо, старались в меру своих сил, но и работники ТЭЦ вкалывали на разгрузке угля по две смены в сутки. Сюда как нельзя лучше подходит слово «вкалывали»; потому что именно вкалывали на мёрзлом угле.

На протяжении всех военных лет нашей главной заботой было топливо. Однажды зимой 1942 года из-за отсутствия угля мы были на грани остановки станции. Угля оставалось часов на 5-6. Я позвонил на железную дорогу, справился, скоро ли будет эшелон с углем, адресованный БТЭЦ. Мне сообщили, что он идет от станции Абдулино. Ну, раз идет, продержимся, решили мы. Собрали все свои резервы вплоть до угольной пыли, вплоть до турбинного масла, до мазута, лишь бы сохранить минимально допустимое давление в котлах, лишь бы не гасить их. И вдруг узнаем, что эшелон стоит в Кинеле и предназначается не нам, а московскому заводу «Серп и молот». Пришлось мне срочно связываться с секретарем обкома Никитиным, просить его вмешательства. Эшелон отправили к нам. Мы вздохнули с облегчением, на рассвете я уже бежал по путям навстречу составу...

Второй заботой было провести ремонт котлов в наиболее короткие сроки. По нормам раз в год полагается капитальный ремонт котла – это минимум полтора месяца, раз в квартал – текущий, это неделя. И это обязательно, иначе может произойти авария. Графики ремонта котлов утверждались в обкоме партии и министерстве энергетики, в связи с этим вводились жёсткие ограничения в потреблении электроэнергии предприятиями. Мы, конечно, соблюдали эти графики, но всегда укладывались в очень короткие сроки, так как не хотели снижать выработку электроэнергии. А что касается текущего ремонта котлов, и их профилактического осмотра - его часто проводили в котлах, остывших всего до 70 – 80 °С. Это было рискованно и смело, но считалось, по военному времени, нормальным.

Станция находилась на военном положении, охранялась как особо важный объект. Каждый случай халатности рассматривался как дезертирство. Суд был короткий: уволить. Даже тогда, когда объективно люди виноваты не были, их сурово наказывали, чтобы это стало уроком для других.

Кто-то – по небрежности (или намеренно?) – бросил лом на топливоподаче, он попал на ленту транспортёра, распорол её метров на 25, подача топлива прекратилась. Наказали начальника цеха топливоподачи Скоробогатова.

Но в подавляющем большинстве люди работали как патриоты – ответственно, самоотверженно. Все четыре года войны БТЭЦ действовала безаварийно.

Знамя государственного комитета обороны было вручено нам в первый раз в 1942 году за первенство во Всесоюзном соцсоревновании тепловых электростанций. Мы его торжественно приняли, и в последующие годы неоднократно завоёвывали его, а потом, после Победы, нам его отдали на вечное хранение.

Я с 1944 года перешёл на работу управляющим Куйбышевэнерго, а ТЭЦ, пущенная при моём участии, продолжала работать ради Победы над врагом.

Рядом выросли более мощные, современные электростанции – Волжская ГЭС им. Ленина, ТЭЦ в Новокуйбышевске, Тольятти, Куйбышеве. Значение Безымянской ТЭЦ в балансе мощностей разросшейся энергосистемы упало.

Но в свое время Безымянская ТЭЦ сыграла огромную роль в развитии оборонной промышленности страны, в строительстве Волжской ГЭС. На ТЭЦ работали и работают замечательные люди, к труду которых надо относиться с уважением. А те, первые годы работы станции, надо помнить всегда.

Владимир Смирнов, первый директор БТЭЦ.

Радостная весть

Это была такая радость, когда мы узнали, что Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное освоение новых мощностей, бесперебойное энергоснабжение оборонной промышленности и высокие технико-экономические показатели наша Безымянская ТЭЦ награждена орденом Ленина.

Эта радостная весть очень взволновала весь коллектив. Так приятно сознавать, что труд энергетиков получил столь высокую оценку.

Безымянская ТЭЦ была пущена в эксплуатацию в годы войны и, конечно, пришлось очень высокими темпами вводить в строй новое оборудование, наращивать энергетические мощности. Первая очередь была введена в действие в октябре 1941 года, вторая и третья – в январе и ноябре 1942 года.

Растущая промышленность бесперебойно получала электрическую и тепловую энергию. В последующие годы продолжался ввод в эксплуатацию оборудования и цехов. Были построены химводоочистка, транспортно-топливный цех, мельницы для помола угля. Но самое главное – мы непрерывно снабжали энергоресурсами крупнейший оборонный промышленный узел в районе Безымянки. И он систематически, в нарастающих объёмах, направлял на фронт военную продукцию.

В октябре 1943 года ТЭЦ начала осваивать местное высококалорийное топливо – газ. Подача его увеличивалась и в отдельные месяцы предыдущего года достигала 40-45 % общего топливного баланса. Использование газа повышало производительность труда и значительно улучшало культуру производства, позволяло экономить уголь. С октября 1943 года по апрель 1945 года на Безымянскую ТЭЦ поступило 94 млн.кубометров газа, благодаря чему сэкономлено 135 тыс.тонн угля.

В истёкшую зиму условия работы коллектива были весьма трудными. Газ подавался с перебойми, уголь был различных марок (карагандинский, челябинский, донбасский). Энергетикам пришлось приложить немало усилий, чтобы освоить такую смесь.

За годы войны значительно улучшилась работа теплоэлектроцентрали. Коллектив настойчиво боролся за снижение удельных расходов топлива. В 1941 году затраты топлива на киловатт-час электроэнергии составляло 570 гр., в 1942 году – 483 гр., в 1943 – 468 гр., в 1944 году – 466 гр. Если принять во внимание, что в среднем по союзу за истекший год на каждый киловатт-час затрачен 571 гр., то станет понятно, что Безымянская ТЭЦ является одной из самых экономичных в стране.

А показателем качества нашей работы является и снижение расхода энергии на собственные нужды. Если в 1941 году он составлял 10,06 % от вырабатываемой энергии, то в 1944 году снизился до 7,16 %.

Всего за последние три года сэкономлено 24 тыс.тонн условного топлива и 7,5 млн.квт.ч электроэнергии, в том числе в прошлом году – 3,5 млн.

Эти достижения стали результатом того, что и рабочие, и инженеры постоянно работали над улучшением технико-экономических показателей эксплуатации, осваивали новую технику, улучшали технологию и т.д. В 1944 году, например, были заменены кубы воздухоподогревателей на котле № 3, а в конденсаторе одной из турбин заменили 1600 трубок. Эти и другие мероприятия, конечно же, повысили экономичность работы оборудования.

Но всё это произошло не само по себе. И здесь мы должны высказать огромную благодарность нашим кадрам. И прежде всего молодёжи и женщинам, ведь именно на них легла основная тяжесть труда. Достаточно сказать, что в нашем коллективе 42 % составляют женщины и 45 % - молодежь. В основном они

уже стали квалифицированными кочегарами, машинистами турбин, электромонтёрами, техниками.

Вот несколько примеров. Хоня Григорьевич Бахрах работал машинистом, сейчас он начальник передового турбинного цеха. Екатерина Николаевна Малютина, награждённая орденом Ленина, ранее работала машинистом, сейчас она энергетик цеха. Кочегары Котенков, Ермолаев, слесарь Литвиненко выдвинуты на должности начальников смен и хорошо справляются с работой. Большим уважением на ТЭЦ пользуются начальники цехов Шарф и Аушев и мастер Перегудов. Чётко работают инженер Панюшкин, начальник смены Уткина и другие.

Многие передовики производства добиваются высоких показателей. Так, молодой кочегар Самохин за истекший год сберёг 220 тонн топлива. Экономично и безаварийно работают машинист турбин Павловский, старшая щитовая Порошкина и другие.

Одним из труднейших участков производства всегда являлась разгрузка топлива. С этим делом хорошо справляется коллектив грузчиков, машинистов паровозов, кранов топливно-транспортного цеха. Особенно отличилась фронтальная бригада Бабушкина.

Получив столь высокую награду, коллектив Безымянской ТЭЦ решил работать ещё лучше. Несмотря на сложные условия труда, такие возможности у нас имеются. И мы намерены доказать это своей последующей работой.

Николай Холопов, директор
Безымянской ТЭЦ с 1944 по 1952 гг.
Апрель 1945 года

«Я осталась, и не жалею...»

Я коренная волжанка, родилась в Самаре. Жила на Чернореченской улице, училась в школе № 123. Окончила девять классов – и началась война.

В июле 1941 года мне позвонила сестра Анастасия, она жила в одном из домов Куйбышевской ГРЭС: «Вера, я прочитала в объявлении, что открываются курсы для желающих работать на Безымянской ТЭЦ...»

Я поступила на курсы, в группу электромонтеров, нас было человек двадцать. А вообще там готовили котельщиков, турбинистов, рабочих других специальностей. Преподавали там москвичи и ленинградцы, которые после институтов и техникумов приехали по направлению на Безымянскую ТЭЦ.

Мы учились, одновременно проходили практику и даже дежурили в сменах на Куйбышевской ГРЭС. А еще на Безымянской станции убирали территорию, знакомились с местом будущей работы.

Жили в одной из комнат 12-квартирного общежития, что располагалось на территории зоны. Здесь же находились столовая, магазины и многое другое. Словом, целый городок энергетиков.

Конечно, совмещать учебу и работу было нелегко. Из нас, пятерых, на ТЭЦ осталась только я одна, и не жалею об этом. Было не легко, но ведь и всей стране тоже, и я это хорошо понимала.

На курсах платили стипендию. На первые же полученные деньги я купила отрез хорошей шерстяной материи. Другая моя сестра, Мария, работала в ателье на Ленинградской и тут же сшила мне красивое платье.

Закончилась учёба, и я пришла на станцию. Сначала следила за работой электрофильтров, затем меня перевели электромонтёром топливоподдачи. Через год стала работать на береговой насосной, которая подает воду на станцию.

В первые месяцы здесь действовал единственный насос. Однажды в насосную зашел начальник смены. Осмотрел мотор насоса. Увидел, что он «искрит», сказал мне об этом и ушел. Я решила устранить неисправность. Неожиданно

данно мотор остановился, вода перестала поступать на станцию, котлы и турбины остановились, перестал идти дым из дымовых труб.

Начальник смены в это время находился на полпути к ТЭЦ. Поняв, что случилось неладное, он бросился бежать к центральному щиту станции. Стали разбираться.

Дошла очередь до меня.

- Что делала?

- Щётки чистила.

- Где, покажи.

Я показала. Подошел мастер, посмотрел и увидел, что один тоненький проводок разомкнул цепь и направил электроток в землю.

Неисправность устранили, но станция простояла целый час. Простояли и заводы. И это в военное время!

Сколько же меня допрашивали в разных инстанциях, секретных и не секретных! Состоялся разговор и с директором В.И. Смирновым. Я сказала ему:

- Увольте меня!

А он:

- Работай. Ты больше ни одной аварии не сделаешь.

Дали мне выговор, но на работе я осталась.

А через год случилось так, что наш самолёт задел крылом за линию высоковольтной электропередачи (ЛЭП). Сработала релейная защита, линию отключили. Береговая насосная опять остановилась.

Но тут уж я не растерялась. Быстро ликвидировала неисправность, включила насос и подала воду на станцию. Аварийной остановки ТЭЦ не произошло.

За оперативность и находчивость Владимир Иванович снял с меня выговор. Выдал премию.

Вскоре меня перевели на главный щит станции старшей щитовой, это было в 1943 году.

Вышла замуж. Супруг, Сергей Васильевич Пыльский, окончил техникум, работал начальником электролаборатории, затем возглавил цех АТИ. Родом он из Белоруссии, где трудился на электростанции в Орше. Всю его смену с началом войны эвакуировали в г. Куйбышев. Его товарищи потом вернулись на Родину, а он остался со мною.

На всех этапах работы я попадала в прекрасный коллектив. Так было и тогда, когда меня в 1950 году перевели электромонтером релейной защиты. Здесь моим руководителем и наставником была инженер Вера Александровна Ярушкина. С каким вниманием она относилась ко мне, всё объясняла, показывала. Почти одновременно мы ушли на пенсию. Правда, потом я отработала ещё года два. В общей сложности Безымянской ТЭЦ я отдала 44 года. И до сих пор храню в сердце самые прекрасные воспоминания о родном коллективе. Мы умели работать, умели и отдыхать, радуясь сделанному. Вместе ездили в театры, катались на лодках по реке Самаре, а потом и паром приобрели. Это было уже при директоре Холопове. Словом, есть что вспомнить.

Вера Пыльская,
ветеран труда БТЭЦ.

Вокруг были хорошие люди

Безымянская ТЭЦ, ставшая местом коллективного подвига многих сотен людей, стала и местом, где родились новые семьи, а узы дружбы связали на долгие годы людей, которые никогда друг о друге не знали. Так случилось и с Екатериной Николаевной Малютиной и Ниной Ивановной Капичниковой. Екатерина Николаевна родом из города Ногинска Московской области, а родина Нины

Ивановны – город Безенчук, что недалеко от Самары. Встретились, и подружились на Безымянской ТЭЦ.

Они пришли в профком почти одновременно и тут же бросились, радостные, в объятия друг к другу: ещё бы, столько месяцев не виделись, а тут такой случай! Ветераны редко встречаются, и это понятно: домашние дела, заботы о детях и внуках, и тяжкие недуги на склоне лет ставят между людьми труднопреодолимые преграды. И тогда единственным средством общения становится телефон.

Первое, что сказала Капичникова, было: «Екатерина Николаевна воспитала меня, я считаю ее своей наставницей...»

Екатерине Николаевне 23 ноября этого года исполнится 87 лет. С неё и начнем рассказ об этих женщинах.

Окончив в Ногинске семилетку, она переехала к сестре в Электрогорск, где поступила в ФЗУ. Получив в 1933 году специальность слесаря-турбиниста, стала работать машинистом турбины на известной подмосковной ГРЭС им.Классона. Весёлая, энергичная общественница, она сразу обратила на себя внимание. И в 1938 году её направили на учебу в Промышленную академию. Там Екатерина проучилась до 1940 года, когда академию закрыли. Последовал перевод во Всесоюзную школу техников, где занятия закончились в 1941 году, с началом войны. Учащиеся едва успели защитить дипломы, получив документы о среднем образовании. Но что же делать дальше?

И вот трое выпускников – Екатерина Малютина, Пётр Круглов и Хоня Бахрах отправляются в Иваново-Вознесенск, куда переехало из Москвы министерство, за направлением. Всем им дали один адрес – Безымянская ТЭЦ. Они и прибыли сюда 30 октября 1941 года. Екатерину и Хоню определили в турбинный цех, а Круглова - на топливоподачу. Сразу же скажем, что впоследствии Хоня Бахрах стал начальником турбинного цеха БТЭЦ, затем главным инженером Тольяттинской ТЭЦ. Пётр Круглов возглавил топливо-транспортный цех. К сожалению, их уже нет с нами.

- Я работала машинистом турбины, затем инженером по технике безопасности в ПТО, - вспоминает Екатерина Николаевна. - Вышла замуж, родила двоих детей. И решила вернуться в цех. Хоня Бахрах взял меня старшим машинистом. Для женщины это очень тяжелый труд, поэтому я перешла в машинисты. В 1964 году ушла на пенсию.

Вот так скромно рассказывала о себе Е.Н. Малютина.

- Екатерина Николаевна, вы хоть про орден-то скажите! - не выдерживает Нина Ивановна. - Вы же сначала были единственной женщиной машинистом турбины. Это же такая работа, где глаз да глаз нужен, максимальное внимание, отвлечешься - тут и до аварии недалеко.

В кабинет зашел председатель профкома А.М. Шевченко

- Вот эта газета, сказал Александр Михайлович. – А вот фамилия Малютиной.

Я смотрю пожелтевшую, бережно сохраняемую газету «Правда» за 2 апреля 1945 года.

Ещё продолжалась Великая Отечественная война, и почти вся первая страница занята приказами Верховного Главнокомандующего. Здесь же – редакционная статья «Трудовая доблесть советских энергетиков». А вот на второй странице - указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении государственными наградами разных ТЭЦ. Открывает страницу Указ «О награждении Безымянской ТЭЦ Наркомата электростанций орденом Ленина». Под указом подписи Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Калинина и Секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Горкина, Указ подписан 1 апреля 1945 года.

На этой же странице – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении работников электростанций, электросетей, строителей и заводов Наркомата электростанций».

В Указе сказано: «За успешное выполнение заданий правительства по электроснабжению оборонной промышленности в трудных условиях военного времени наградить:

Орденом Ленина ...»

Под № 38 значится машинист турбины Безымянской ТЭЦ Екатерина Николаевна Малютина. Единственная, отмеченная на ТЭЦ высшей наградой Родины.

- Екатерина Николаевна все годы работала без аварий. Это необыкновенно честная и добросовестная женщина, - говорит Н. И. Капичникова. - Она не любит рассказывать о себе, а ведь дважды была депутатом горсовета.

Нина Ивановна приехала на Безымянку в 1945 году к сестре, которая работала на химводоочистке станции. И устроилась няней в яслях ТЭЦ. А через год перешла работать в котельный цех лаборантом – наблюдателем и одновременно поступила в 8 класс вечерней школы. Окончив её, получила аттестат зрелости.

- Меня окружали замечательные люди, - вспоминает Нина Ивановна. – Например, когда я пришла на работу в ПТО, там старшим инженером была Лидия Матвеевна Кузмина, она способствовала моему творческому росту. Неоценимую помощь едва ли не с первых моих шагов оказала мне Екатерина Николаевна. Она учила меня не только старательно работать, но и быть хорошим человеком. А что может быть важнее в жизни! Учила на собственном примере.

Позже, в 1952 году, когда я уже училась заочно в техникуме, меня перевели старшей дежурной щита управления. Здесь я работала восемь лет под руководством Василия Михайловича Устинова, он тоже многому обучил меня.

В 1960 году Н.И. Капичникову вновь перевели в ПТО инженером по учету. А в 1980 году ей предложили должность старшего инженера отдела кадров (на правах начальника). Там она проработала до ухода на пенсию в 1986 году.

Нина Ивановна, как и её наставницы, трудилась, не считаясь со временем, всякое дело стремилась довести до конца, и не просто довести, а получить хороший результат. Она была старательна, инициативна, находчива. Вот почему, не успела она распрощаться с ТЭЦ, как её тут же пригласил к себе электромонтером начальник электроцеха Н.П. Борисов. Кстати, впоследствии Николай Павлович стал директором теплоэлектроцентрали.

– Здесь я работала по 1993 год, и об этом периоде у меня остались очень хорошие воспоминания, – делится Нина Ивановна. – Я хоть и электрик по специальности, но многого не знала, и здесь моим наставником стал Петр Степанович Уваров, бригадир. А ещё помогала мне Любовь Николаевна Попелова из знаменитой династии Родиных. Её отец, Николай Константинович, работал заместителем начальника электроцеха по ремонту, знал каждый винтик, в любой момент готов был быть на станции. У Родина здесь и сын работает, и внуки, и брат... Самая большая династия на ТЭЦ.

Я проработала здесь всю жизнь, с 1945 по 1993 год, без увольнений, 48 лет как один день.

Нина Ивановна не сказала о том, что три раза ее выдвигали народным заседателем, дважды членом комиссии райисполкома по работе с условно осужденными, членом профкома станции...

Женщины вспоминали о том, как истово работали тогда энергетики. Режим труда был жесточайший, была установлена по сути дела казарменная дисциплина (работавшим на Безымянской ТЭЦ давали бронь), строжайшая пропускная система. И не дай Бог опоздать... За опоздание больше чем на 20 минут дело передавали в суд. По решению суда с виновного три месяца удерживали 15-20 % зарплаты, лишали всех видов премии.

За более серьёзные нарушения лишали стажа безаварийной работы. В 1943 году дежурный инженер и начальник смены электроцеха допустили грубую ошибку при переключении. В результате короткое замыкание, а почти на час было нарушено электроснабжение всех близлежащих предприятий.

Виновные были арестованы, отданы под суд.

Таковы были законы военного времени.

И при всём при том в редкие свободные часы люди умели расслабиться, забыть о нерадостных фронтовых сводках, о гибели близких, о неустроенном быте.

На станции, рассказали Екатерина Николаевна и Нина Ивановна, была прекрасная художественная самодеятельность. Молодежь ездила в театр. Однажды зимой Нина Капичникова забыла в автобусе туфли и вошла в празднично сверкающий зал театра в валенках, испачканных в угле.

Женщины постарше опекали Нину, которой и одеть-то нечего было. Ходила она в платье, сшитом из блестящего коричневого мешка. Сразу же после первой полочки Нина вместе с Еленой Фёдоровной Суслиной и Екатериной Николаевной Малютиной поехала покупать платье. Это первое нарядное платье из кашемира, купленное в 1946 году, еще долго служило ей.

«Мне везло на хороших людей», - не успевает повторять Нина Ивановна. Добрые люди с щедрой душой окружали ее и в турбинном, и в электроцехе, и в электролаборатории, и в ПТО. И когда на заседании парткома решался вопрос о том, дать или не дать квартиру инженеру Нине Капичниковой, первым подал за нее голос член парткома начальник смены котельного цеха Михаил Андреевич Драчев. И девушке, прожившей в общежитии с 1946 по 1955 гг., дали маленькую комнатку в 14м² в трёхкомнатной квартире в доме № 90, который был только что построен для ТЭЦ. Была такая радость...

О себе. О моём поколении

Этими воспоминаниями поделился человек, отдавший службе на Безымянской ТЭЦ рекордное количество лет – свыше 56. Вряд ли кто проработал здесь дольше, чем Николай Кузьмич Давыдов. Но давайте послушаем его рассказ.

Моё детство прошло в селе Кулешовка Нефтегорского района, где я родился 8 февраля 1925 года. Помню родителей, брата и двух сестер. Были и другие дети, которые умерли.

В деревне начал я работать с 8-ми лет. Отвозил в фургоне на лошадях зерно, которое загружали из бункера комбайна. Фургон – это попросту большая телега.

28 июня 1941 года меня и ещё троих парней взяли на учебу в школу ФЗО. Было мне тогда 16. Наша фабрично-заводская школа и мастерские располагались в городе Куйбышеве. Долго учить тогда возможности не было. И в октябре нас, 45 человек, направили на Безымянскую электростанцию.

Ещё и сейчас стоят в посёлке энергетиков, рядом с ТЭЦ, два красных и два белых 4-этажных кирпичных дома. Здесь и поселили нас. Жили в квартирах как в общежитии, а работали вместе с заключёнными. Зона располагалась рядом, за колючей проволокой, и тянулась на 3-4 км от железной дороги до реки Сама-

ры. Уж и не знаю, сколько тысяч там было заключенных. Строили они не только нашу теплоэлектроцентраль, но и авиационный, и моторостроительный заводы, и разные другие объекты.

На ТЭЦ уже стояли здания, везде рвы, канавы, трубы, электрические кабели. Повсюду шёл монтаж оборудования, всевозможных металлоконструкций. Я приехал из деревни, эти трубы и аппараты, насосы, задвижки - всё в диковинку, было даже страшновато. И зачем нас сюда прислали? – думал я. В ФЗО нас учили менее пяти месяцев, и я там успел сделать только простенькие плоскогубцы. И успели обучить нас элементарным вещам: как держать молоток, зубило, как пользоваться штангенциркулем. Последнее время мы рубили вручную металл с помощью зубила и кувалды, делали печи для сушки сухарей для фронтовиков. А считалось, что нас обучили слесарному делу, хотя постигли мы лишь обработку металла вручную.

И одна мысль всё время преследовала меня: ничего не умею, лучше бы на фронт послали! И я несколько раз, отработав смену, отправлялся шляться по городу без документов, чтобы попасть в милицейскую облаву, а там через военкомат - на фронт. Я знал, что так поступают с бродягами, дезертирами, но меня почему-то ни разу за такого не приняли. Быстро выяснялось, что я работаю на ТЭЦ, имею бронь и, к моему разочарованию, отпускали.

Потом, уже повзрослев, оценив значение станции, я понял, что наша ТЭЦ была тоже своего рода фронтом. Воспитывали ли нас? Специально, наверное, нет. Как-то из озорства мы в новую дымовую трубу лазили. Помню разговор с главным инженером Шалаевым о профессиях. Мне, как парню деревенскому, почему-то показалась самой близкой специальность мельника, и я пошел на мельницу уголек размалывать, до самого нового года проработал там. Потом разобрался, что к чему, огляделся, перешёл в электроцех. Было трудно. Не то что сейчас – механизация и автоматизация, тогда всё своими руками делали. Удивительно, что нам, мальчишкам, доверяли ответственные задания, управление агрегатом, например, и не боялись, что мы напутаем что-то, не так сделаем. Наверное, благодаря такому доверию мы быстро становились самостоятельными. Я думаю, нас просто уже считали взрослыми, полагали, что мы хорошо понимаем, что случилось со страной, с нами, и верили в нас. И, думаю, не ошиблись.

Но я немного забежал вперед. Тогда, в октябре 1941 года, нас принимали на работу директор Владимир Иванович Смирнов и главный инженер. Одеты были в костюмы, молодые, лет, наверное, по 35-40 каждому. И ещё была с ними секретарша, фамилию не помню, она записывала, кто какую специальность хочет приобрести. Выбор был широкий – электрик, транспортник, турбинист, котельщик, химик, слесарь по ремонту оборудования...

Вот тогда-то я и выбрал работу на мельницах, где уголь в пыль перемалывали. По глупости выбрал. У нас на селе мельник лучше всех жил. Не знал я тогда, что эти мельницы размалывают.

И тогда наступила пора снова обучаться, но на этот раз уже там, где работало выбранное оборудование.

В школе ФЗО мы не изучали устройство оборудования, и в монтаже его на ТЭЦ мы не участвовали. Подсобные работы выполняли на стройке, убирали мусор. Рабочий день был 8-часовой, без выходных, всю войну так работали. Так что мельниц я тогда ещё не видел. А когда пришёл на это мельничное хозяйство - увидел, что никакого сходства с колхозными мельницами здесь нет. Это были стальные барабаны диаметром около 4 метров. Туда загружали стальные шары диаметром 30-40 мм, сотни шаров, до 20 тонн, туда же и уголь, который привозили в вагонах, целый эшелон в сутки. Уголь был мёрзлый, зубилом не отколешь, и сухой, небольшими комками. Выгружали рабочие транспортного цеха, и

очень часто помогали им работники других цехов. Выгрузка шла практически целые сутки.

Так вот. Включали моторы, мельничные барабаны вращались, шары превращали куски и кусочки угля в пыль, грохот стоял страшный, бывало, и пыль столбом. Всего мельниц было 17, по две на котел, а на одном котле – единственная. Сейчас-то их, славу Богу, уже нет, года три – четыре назад их демонтировали, они уже не работали, территорию в порядок привели.

Вагоны были саморазгружающиеся, с люками снизу, с разгрузкой были большие проблемы. Смёрзшиеся куски угля никак не хотели выгружаться из люка. Иной раз весь персонал отправлялся на разгрузку эшелона либо собирать со всей территории угольную пыль, если эшелон не пришел вовремя. В эшелонах бывало и по 50, и по 60 вагонов. Это уже потом рационализаторы придумали, как лучше уголь разгружать. Для оттаивания, например, стали реактивный двигатель использовать - горячий воздух от него направляли на вагоны со смёрзшимся углем. Двигатель этот в час «съедал» 18 тонн керосина. Взяли его с авиационного завода, свое этот механизм уже отработал.

Я управлял работой двух мельниц своего котла в течение недели. Пускали котёл. Сначала «зажгли» его с помощью мазута, затем начали включать пылесистему – это мельницы со всем многочисленным хозяйством. Мельницы находились на нулевой отметке здания, наверху загрузочные бункера. Здание это и сейчас сохранилось, в нём разместили бытовые помещения и мастерские.

После мельниц перевели меня помощником машиниста котла, где я проработал до конца года. А с января 1942 года направили в электроцех - образование у меня было 7 классов, для того времени немало.

Здесь поработал на разных должностях. И электромонтёром, и старшим дежурным электромонтёром. Одновременно учился в вечерней школе. В 1949 году перевели меня начальником смены электроцеха, затем начальником смены станции (дежурным инженером станции). Закончил гидростроительный техникум. Тогда многие учились. Так и работал до ухода на пенсию в 1985 году.

Наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Присвоили звание «Отличник энергетики». Стал ветераном труда. Но после ухода на пенсию я с производством не расставался до 1998 года. Трудился слесарем, занимался подготовкой кадров, в частности, для котельного цеха. Писал инструкции и принимал экзамены на производстве.

Обучил делу многих. Всех дежурных инженеров станции. Это, к примеру, Виктор Геннадьевич Шмагин (сейчас начальник электроцеха), заместитель директора по хозяйственным вопросам Александр Александрович Осипов. Передал свой опыт машинистам котлов – Роману Сабирову (сейчас он старший машинист), старшему мастеру котельного цеха Дмитрию Дудинцеву, другим работникам теплоэлектроцентрали. Многих сейчас уж и не помню.

По сравнению с прошлым сейчас большой сдвиг в труде энергетиков произошел. Действует малая механизация, в мои молодые годы её и в помине не было. На электростанции появились тали, краны, трактора «Беларусь» со сменным оборудованием. Перешли на газ – огромное дело сделали.

Помнится многое. Люди, события, факты. Но самое главное, что отложилось в памяти – это самоотверженный труд рабочих и инженеров в критические моменты. Именно тогда проявлялось то общее, что нас объединяло – забота о родном производстве, которое мы выпестовали и которое вырастило нас.

Наверное, об этом уже многие рассказывали, но я тоже расскажу, что помню и как понимаю тот случай, что произошел в зиму 1978-1979 гг.

Я был тогда старшим начальником смены станции, по сути, главным дежурным диспетчером. Ситуация, которая возникла тогда, по сложности своей не уступала военному времени. Это продолжалось с 31 декабря по 2 января. Ртут-

ный столбик в термометре опустился до – 47 °С. В турбинном цехе мороз – 42 °С. Туман, на расстоянии руки ничего не видно. От сырости выходило из строя электрооборудование, останавливались насосы. Собрали всех ремонтников, ремонт шёл непрерывно двое суток. Отключались котлы и турбины, нарушалась работа приборов, но мы не выходили из цехов. Ни в коем случае нельзя было отключать тепловые сети – они немедленно вышли бы из строя, а что тогда ожидало жилые кварталы?!

Трое суток я оставался на ТЭЦ, да и не я один, а многие. Тут уж действовали и опыт, и интуиция, ведь иногда приборам нельзя было верить. Но удалось – таки поддержать оптимальный режим работы агрегатов. Ни один не вышел из строя. И ни одной аварии на теплосетях, снабжающихся от нашей ТЭЦ, не произошло. Пусть 12-14° тепла, а всё-таки было оно в домах Безымянки и на предприятиях. Тепло и энергия поступали в сети, как будто ничего не случилось на станции.

Семья моя не столь велика. Сын, трое внуков и я с женой Анной Тимофеевной, бывшей работницей завода «Экран». Горжусь тем, что сын Владимир работает на Самарской ТЭЦ электромонтёром. Стало быть, пошёл по стопам отца.

Николай Давыдов, ветеран труда.

События и даты

1938 год, 14 мая		Совнарком СССР принял решение о строительстве Безымянской ТЭЦ.
1938 год		Начало строительства Безымянской ТЭЦ.
1938-1941 гг.		Сдача в эксплуатацию основных корпусов и инженерных сетей Безымянской ТЭЦ.
1941 год, октябрь	18	Ввод первого турбоагрегата мощностью 25 Мвт и котла производительностью 200 т/час. День рождения Безымянской ТЭЦ.
1941 год, ноября	18	По приказу народного комиссариата электростанций Куйбышевский энергетический комбинат реорганизуется в Куйбышевское районное энергетическое управление (РЭУ) с включением в него Куйбышевской ГРЭС, Безымянской ТЭЦ, управления воздушных и кабельных сетей, дирекции по строительству Сызранской ТЭЦ, управления теплосетей и энергосбыта.
1942 год		Награждение ТЭЦ Знаменем Государственного комитета обороны СССР.
1942 год 1945 год, апреля	1	Ввод двух турбин по 25 Мвт. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное освоение новых мощностей, бесперебойное энергоснабжение оборонной промышленности и высокие технико-экономические показатели эксплуатации, а также освоение местного топлива – газа Безымянская ТЭЦ Народного Комиссариата электростанций была

награждена орденом Ленина.

1945 год

Передача Безымянской ТЭЦ на вечное хранение Знамени Государственного комитета обороны СССР.

